

мясо. О. М. ел и говорил: „Какая хорошая рыба!“». Резонирует с ней и другая развернутая запись, сделанная зеленой ручкой на полях поэмы «Пир» и относящаяся уже к самой Н. Я. Мандельштам: «Отсюда Аи. Мне принесли на этой квартире. Вино плохое. Грузинское лучше».

Предпринятый Н. Я. Мандельштам опыт прочтения Баратынского оказывается чрезвычайно ценным в двух аспектах. С одной стороны, он действительно дает возможность увидеть, как О. Э. Мандельштам читал Баратынского — и в этом плане подтверждает множество исследовательских догадок. С другой стороны, он в значительной степени открывает нам характер чтения Н. Я. Мандельштам, обнажая такие его свойства, как тотальность (не пропущено буквально ни одного стихотворения), независимость (отсутствие помет на вступительной статье и комментариях) и субъективность. Маргиналии на полях книги Баратынского носят одновременно биографический и комментирующий характер — и в этом плане перед нами действительно издание Баратынского, прочитанное и О. Э. Мандельштамом, и Н. Я. Мандельштам.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-3-192-204

© Г. В. Куницын

«ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ЕВРЕЕМ?..»: Б. Л. ПАСТЕРНАК И «ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС»

Так называемому еврейскому вопросу, положению евреев в Российской империи и Советском Союзе и отношению к ним разных слоев русского общества, посвящено огромное количество современных научных изысканий, освещающих проблему с историко-политической, социологической, культурологической точек зрения.¹ В историко-литературной перспективе проклятый «вопрос», очевидно, может рассматриваться в двух измерениях. С одной стороны, в русской литературе широко представлен взгляд «извне», «еврейская тема» занимает важное место как в художественных, так и в публицистических произведениях русских авторов, начиная примерно с В. К. Тредиаковского.² С другой стороны, и среди тех, кто напрямую пишет о евреях и еврействе, и среди тех, кто обошел эту тему стороной, есть немало выходцев из еврейской среды, русскоязычных писателей «еврейского происхождения».

К примеру, для И. Э. Бабеля оно навсегда останется важным фактором самоидентификации. Исследователи справедливо усматривают в его сюжетах символически зашифрованные попытки героев-евреев принести свое еврейство как жертву в ходе своеобразных обрядов инициации, посвящения в утопическое революционное братство.³ Совсем иначе для О. Э. Мандельштама, бежавшего от «хаоса иудейского»,⁴ «темного и бессловесного»⁵ мира еврейской семьи в пространство «мировой культуры». Любо-

¹ См.: Будницкий О. В. Евреи в Российской империи (1772–1917): 4. Евреи в эпоху поздней Империи: лояльность, адаптация, оппозиция // *Западные окраины Российской империи*. М., 2006. С. 327–340; Гительман Цви. Беспокойный век: Евреи России и Советского Союза с 1881 до наших дней. М., 2008; Гольдин С. Еврей как понятие в истории имперской России // *Понятия о России: К исторической семантике имперского периода*. М., 2012. Т. 2. С. 340–391; Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2008; Слэзкин Ю. Эра Меркурия: Евреи в современном мире / Авторизованный пер. с англ. С. Б. Ильина. М., 2005.

² См., к примеру, «Мнение о начале поэзии и стихов вообще» (1752).

³ См.: Лекманов О. А. Исаак Бабель «Мой первый гусь»: опыт медленного чтения // Лекманов О. А. Самое главное: О русской литературе XX века. М., 2017. С. 209–223.

⁴ Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2010. Т. 2. Проза. С. 221.

⁵ Гаспаров М. Л. Поэт и культура. Три поэтики Осипа Мандельштама // Гаспаров М. Л. Избр. статьи. М., 1995. С. 327.

пытно было бы проследить, как высказывания И. Г. Эренбурга, посвященные евреям и еврейству, связаны с изменением актуального политического контекста. Каждый подобный случай, разумеется, сугубо индивидуален, требует подробного изучения, и едва ли можно говорить о каких бы то ни было общих тенденциях.

Вопрос о том, как именно Б. Пастернак, проповедник «по-новому понятого христианства»,⁶ воспринимал свою родовую⁷ принадлежность к иудейской культуре, к сожалеению, один из наиболее болезненных во всей традиции «пастернаковедения». В рамках настоящей статьи мы не ставим себе задачу найти «окончательные» формулы для решения этой проблемы, как это, в силу жанровых особенностей, вынуждены делать биографы поэта (см., к примеру, в биографии А. Ю. Сергеевой-Клятис,⁸ в более мягкой форме у Д. Л. Быкова⁹). Тем не менее, переводя проблему из строго биографического измерения в «жизнетворческое», мы надеемся показать, какая роль отводилась еврейству и иудаизму в «творческой эстетике» поэта,¹⁰ в системе его представлений об искусстве и роли художника.

Лучше всего среду взросления Пастернака описал, что вполне закономерно, его отец, Л. О. Пастернак: «...еврейское интеллигентное общество в русских центрах».¹¹ Как нетрудно догадаться, в условиях институциональных ограничений, в больших городах, «русских центрах» было отнюдь не просто сохранить верность каноническому иудаизму. Ставший в детстве свидетелем еврейских погромов,¹² позднее отец Пастернака неоднократно отказывался от крещения (что могло стоить ему потери выгодного места преподавателя Училища живописи, ваяния и зодчества), но никогда вполне не принадлежал иудейским институтам: «...я не был связан с традиционной еврейской обрядностью, но глубоко веря в Бога, никогда не позволил бы себе и думать о крещении в корыстных целях...»;¹³ «Я вырос, конечно, в русской обстановке, получил русское воспитание, развился под влиянием тенденций русских восьмидесятых годов, т. е. тенденций ассимиляции, и в долге служения русскому народу...».¹⁴ Убеждения отца определили обстановку взросления сына.

Даже не вполне принадлежа к иудейской культуре, Пастернак был с детства знаком с ее основными законами и традициями. В юношеских письмах поэта (или, как в шутку называл его в детстве отец — «меламеда»¹⁵) можно наткнуться на упоминания о «еврейских праздниках»,¹⁶ равно как и на возникающие в этой среде противоречия («именины, у евреев именины!»¹⁷). Впрочем, таких «противоречий», свидетельствующих об ассимиляции Пастернаков, нам известно немало — к примеру, на Рождество они ставили елку, а на Пасху пекли куличи и красили яйца.¹⁸ Вполне закономерно, что росшие в этих условиях дети художника (напомним, что, по заверению самого Л. О. Пастернака, «еврейскому обществу пластические искусства были чужды»¹⁹) гораздо живее

⁶ Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2004. Т. 4. С. 67.

⁷ См. хотя бы запись из метрической книги Московской синагоги о рождении поэта: *Иванова Н. Борис Пастернак. Времена жизни. М., 2007. С. 36–37.*

⁸ См.: *Сергеева-Клятис А. Ю. Пастернак. М., 2015. С. 25–32* (сер. «Жизнь замечательных людей. Малая сер.»).

⁹ См.: *Быков Д. Л. Борис Пастернак. 14-е изд. М., 2018. С. 807–808* (сер. «Жизнь замечательных людей»).

¹⁰ Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 186.

¹¹ Письмо Л. О. Пастернака к Бялику / Публ. Ж. Л. Пастернак и Л. Л. Пастернак-Слэйтер; комм. Л. Флейшмана // *Slavica Hierosolymitana. Jerusalem, 1977. Vol. 1. P. 306–308.*

¹² См.: *Пастернак Л. О. Записки об искусстве. Переписка. М., 2013. С. 156.*

¹³ Пастернак Е. Б. Борис Пастернак: Материалы для биографии. М., 1989. С. 28–29.

¹⁴ Письмо Л. О. Пастернака к Бялику. Р. 307.

¹⁵ Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 32 (из письма Пастернака П. Д. Эттингеру от 25 июля 1907 года).

¹⁶ Там же. С. 17 (из письма Пастернака Л. Е. Ригу от 1 апреля 1906 года).

¹⁷ Там же. С. 30 (из письма Пастернака родителям от 22 июля 1907 года).

¹⁸ См., к примеру, воспоминания Пастернака о детских «елках» в письме к сестре, Ж. Л. Пастернак начала января 1926 года: Там же. С. 588–590.

¹⁹ Письмо Л. О. Пастернака к Бялику. Р. 307.

ощущали свою принадлежность русской культуре, чем еврейской и тем более традиционной иудейской.

В этом контексте любопытен эпизод из «марбургской» биографии Пастернака, когда поэту пришлось выступить посредником между отцом и Г. Когеном, главой марбургской философской школы неокантианства. Л. О. Пастернак, автор портретов Толстого, Горького, Рильке, Верхарна, Скрябина, Рахманинова, Шаляпина и Эйнштейна, как видно уже из этого беглого списка, вряд ли мог позволить себе не написать прославленного учителя собственного сына: «...что же ты не приготовишь мне Когена! А я хочу нарисовать его проездом».²⁰ Невинная затея, как водится, обернулась целым рядом проблем — во-первых, Коген, выпускник Еврейской теологической семинарии и автор целого ряда значимых работ по иудаике, отказывался позировать не-евреям и, соответственно, нуждался в определении национальности художника. Во-вторых, Пастернак, судя по многочисленным свидетельствам мемуаристов, не отличавшийся ясностью речи, видимо, поначалу не смог донести учителю мысль о бескорыстности отцовского замысла.

В результате недоразумения разрешились, но история оставила неприятный осадок (как можно судить по письму Пастернака отцу): «...меня же, признаться, не очень склоняет к тому, чтобы ты приехал из-за этого: что-то мне во всем этом несимпатично».²¹ Более того, она спровоцировала Пастернака на первый из известных нам эпизодов рефлексии над собственной национальной и культурной идентичностью: «он прав: ни ты, ни я — мы не евреи: хотя мы не только добровольно и без всякой тени мученичества несем все, на что нас обязывает это счастье (меня, например, невозможность заработка на основ[ании] только того факультета, который дорог мне), не только несем, но я буду нести и считаю избавление от этого низостью; но нисколько от этого мне не ближе еврейство...».²²

Очевидно, что «все», на что «обязывает это счастье» — это, прежде всего, проявления институционального антисемитизма — к примеру, из-за процентной нормы на иудеев Пастернак не смог поступить в первый класс Пятой московской гимназии, даже при заступничестве городского головы Москвы В. М. Голицына, знакомого отца поэта.²³ Однако наиболее чувствительным последствием еврейского происхождения для Пастернака оказались даже не процентная норма или невозможность заработка на факультете, упомянутая в письме, а те откровенные и скрытые упреки в косноязычии, которые просвечивали (или, по крайней мере, ощущались поэтом) в критике его творчества. Например, хорошо известна история несостоявшейся дуэли Пастернака с Ю. Анисимовым, охарактеризовавшим язык поэта как «аптекарский диалект»²⁴ (см. в письме Пастернака к Боброву от 27 апреля 1916 года: «Прежде меня задевало то, что Юлиан мне глаза колот „отдаленными догадками“ о том, что не еврей ли я, раз у меня падежи и предлоги хромают...»²⁵). Быть может, именно антисемитскими взглядами Анисимова обусловлено и посвящение ему стихотворения «Хор» из книги «Близнец в тучах», в котором лирический герой, как бы отстаивая право быть русским поэтом, сравнивает свою поэтическую поступь со «стопами самогуд».²⁶ Отчасти та же проблема затрагивается Пастернаком в переписке с Горьким, о которой еще будет сказано ниже, и безусловно именно эти проявления «бытового» антисемитизма во многом предопределили отношение поэта к собственному происхождению.

²⁰ Пастернак Л. О. Записки об искусстве. Переписка. С. 522.

²¹ Письма Бориса Пастернака из Марбурга / Вступ. статья, прим. и публ. Е. В. Пастернак, К. М. Поливанова // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1989. М., 1990. С. 63.

²² Там же.

²³ См. переписку Л. О. Пастернака, В. М. Голицына и директора гимназии И. Адольфа: Пастернак Е. В. Борис Пастернак: Материалы для биографии. С. 47–48.

²⁴ «Лингвистическая» дуэль: Борис Пастернак — Юлиан Анисимов // Кобринский А. А. Дуэльные истории Серебряного века: поединки поэтов как факт литературной жизни. СПб., 2007. С. 313.

²⁵ Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 236 (из письма Пастернака С. П. Боброву от 27 апреля 1916 года).

²⁶ Там же. Т. 1. С. 341.

Впоследствии Пастернак неоднократно будет писать разным корреспондентам о своем еврействе сразу в двух ипостасях: как о своей «оплошности»²⁷ (выступая как бы полноправным творцом собственной биографии, «жизнетворцем») и как о «не человеческой оплошности».²⁸ При этом существеннейшим мотивом оказывается внутренняя необходимость в преодолении этой «случайности» («как случайно <...> я родился!»²⁹), мотив, который, по большому счету, снимает обозначенное противоречие — еврейство оказывается как бы необходимым для преодоления барьером, задающим высоту «всеобъемлющей мысли христианства» поэта, которую он сам приписывал в своих «Заметках к переводам из Шекспира» (глава «Король Лир», 1949) английскому драматургу: «Идеи равенства наций не было при нем. Жила полною жизнью более всеобъемлющая мысль христианства о другом роде их безразличия. Эту мысль интересовало не то, чем рождался человек, а то, к чему он в жизни приходил и чем становился...».³⁰

Характерный пример этого стремления к преодолению — письмо Пастернака к З. А. Никитиной от 27 декабря 1932 года, где поэт предлагает отказаться от портрета в готовящихся к изданию «Стихотворениях в одном томе»: «На фотографиях <...> никогда не выходил, т. е. выходил может быть, похоже, но несомненно уродливо: часто выступали те именно черты, которых я не выношу и которыми тягочусь в себе: те, на *изжитье* и *заглаженье* которых я положил все лучшее в деятельности моей и жизни. Не боюсь говорить об этом, потому что естественностью в таком понимании не дорожу. Я не матерьялист и считаю, что рождаемся мы не для того, чтобы оставаться на месте, куда нас положила тайна явления, а для того, чтобы подыматься над местом и уноситься...»³¹ Как отмечают Е. Б. и Е. В. Пастернаки, под «теми именно чертами», «естественностью», «тайной явления» Пастернак подразумевает не что иное, как «еврейские черты своей внешности».³²

То же преодоление Пастернак в середине 1930-х годов искал в жизни «без мистики, со страстью к факту», стараясь писать «живо, по-советски», и сетовал, что это стремление «нельзя вписать в паспорт, вместо возраста, еврея и прочего — вещей фантастических спорных, горько-непонятных».³³ Как видим, эта мысль, проявившаяся много позже, при работе над романом «Доктор Живаго», преследовала Пастернака очень долго. Здесь же следует привести слова поэта из письма двоюродной сестре, О. М. Фрейденберг, датированного 1949 годом: «...чего я, в последнем счете, значит, стою, если препятствие крови и происхождения осталось непреодоленным (единственное, что надо было *преодолеть*) и может что-то значить, хотя бы в оттенке, и какое я, действительно, притязательное ничтожество, если кончаю узкой негласной популярностью среди интеллигентов-евреев, из самых загнанных и несчастных?»³⁴

Из приведенных примеров ясно, что преодоление, которого так хотел добиться Пастернак, продиктовано не столько желанием освободиться от проявлений антисемитизма окружающими и системой, сколько стремлением к свободе от какой бы то ни было предопределенности. Едва ли можно говорить и об антисемитизме со стороны самого поэта («Веянья антисемитизма меня миновали, и я их никогда не знал»³⁵). В каком-то смысле еврейство вобрало в себя в глазах Пастернака всё то, что детерминировано в жизни человека и не зависит от его творческой воли. Именно поэтому в приведенной цитате о паспорте наряду с еврейством возникает и «возраст».³⁶ Из-за этого,

²⁷ Там же. Т. 7. С. 780–781 (из письма Пастернака Ф. К. Пастернаку конца августа 1926 года).

²⁸ Там же. Т. 8. С. 237 (из письма Пастернака М. И. Цветаевой от 29 июня 1928 года).

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Т. 5. С. 79.

³¹ Там же. Т. 8. С. 644 (из письма Пастернака З. А. Никитиной от 27 декабря 1932 года).

³² Там же. С. 645.

³³ Там же. Т. 9. С. 15 (из письма Пастернака О. Г. Петровской-Силловой от 22 февраля 1935 года).

³⁴ Там же. С. 575 (из письма Пастернака О. М. Фрейденберг от 7 августа 1949 года).

³⁵ Там же. Т. 8. С. 164 (из письма Пастернака М. Горькому от 7 января 1928 года).

³⁶ Там же. Т. 9. С. 15 (из письма Пастернака О. Г. Петровской-Силловой от 22 февраля 1935 года).

наряду с божественной «оплошностью», в письме к Ф. К. Пастернаку возникает и божественная удача: «...выбор семьи был замечательный, я не устану ее славословить. Родители, дом — все это на редкость было удачно. Настолько, что ими уравновешиваются *смертность и еврейство*...»³⁷

Отметим, что эта постоянная установка на преодоление барьеров физического мира и его условий (таких как происхождение, возраст, смертность) — едва ли не более важная «особенность пастернаковского мышления», чем необходимость во взгляде из «инородной среды».³⁸ Как мы старались доказать в наших предыдущих исследованиях³⁹ и постараемся показать и в этой работе, этот принцип — системообразующий во всей творческой эстетике и поэтике Пастернака. Тем более существенно для нашей нынешней темы, что поэт не ищет механических путей преодоления своего еврейства, каковым было бы крещение,⁴⁰ но артикулирует потребность в творческом преодолении, что видно по приведенному письму к Фрейденберг 1949 года.

Творческое преодоление еврейства естественное подразумевает деятельное «вхождение» в русскую культуру и литературу и через них в «Историю»⁴¹ (пользуясь термином романного Веденяпина). Тем не менее систематические упреки со стороны знакомых и критики в косноязычии, поэтической переусложненности и т. п., несмотря на признание успехов, время от времени вызывали у Пастернака мучительное ощущение невозможности преодоления национального и социального «чужеродья»: «...очень серьезным неудобством было явиться евреем — прескверная по своему тупоумью выдумка. Уж если на то пошло, то следовало в таком случае родиться при Маккавеях, и учиться языку верблюдов и палым, в согласии с этнографической подорожной. Разлетаться же в самое сердце русского березняка с такой отметинкой, даже и в случае *счастливейшего по взаимности и глубине романа, как у меня*, — было шагом необдуманным».⁴³

Очевидно, что при всех эмоциональных симпатиях к «русским» (см. в письме к брату по поводу женитьбы последнего⁴⁴) и уловимых антипатиях к современному «еврейству»,⁴⁵ Пастернак не утратил интереса к иудейской культуре. Ироническое за-

³⁷ Там же. Т. 7. С. 780–781 (из письма Пастернака Ф. К. Пастернаку от конца августа 1926 года).

³⁸ Флейшман Л. Борис Пастернак и христианство // Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку. Избр. работы по поэтике и истории русской литературы. М., 2006. С. 731.

³⁹ См.: Куницын Г. В. Категория границы как ключ к поэтике Пастернака // Пастернак: проблемы биографии и творчества. К 60-летию Нобелевской премии. М., 2020. С. 187–199.

⁴⁰ Об обстоятельствах которого см.: Куницын Г. В. «Крестная няня» Б. Пастернака // Новое литературное обозрение. 2023. № 2. С. 252–267.

⁴¹ Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 12–13.

⁴² Из стихотворения «Счастлив, кто целиком...», датированного 1936 годом (Там же. Т. 2. С. 98–99).

⁴³ Там же. Т. 7. С. 780 (из письма Пастернака Ф. К. Пастернаку от конца августа 1926 года).

⁴⁴ «Что это семья не еврейская, конечно, только лучше, а не хуже. Тебе мои симпатии и антипатии известны. По совести говоря, невзирая на все папины последние устремленья — симпатии и антипатии эти — общесемейные. Сердцем (а не головой) и они, конечно, русских любят больше, чем „своих“. Кроме того, я еще не видел ни одного еврея, который бы сохранял свои специфические, просиявшие в анекдот черты, в силу особой какой-то одаренности. Скорее наоборот. Они выживают по принципу ничтожности...» (Там же. С. 435 (из письма Пастернака А. Л. Пастернаку от 15 января 1923 года)).

⁴⁵ См., к примеру, в письме к родителям 1917 года: «Телеграмму вашу получил. „Посылку получили спасибо стихи вышли благополучно родители“. — Еврейская телеграмма. Сжатость, деловитость и официальность глядят из-за каждого слова. Мне стало грустно почему-то; я не почувствовал жизни ни за одним из этих слов» (Там же. С. 305; курсив мой. — Г. К.). В письме к отцу 1928 года: «Если моя просьба имеет смысл, то посылай поменьше евреев, так как с меня довольно и тех двух, которыми судьба выпустила меня с тобою» (Там же. Т. 8. С. 175). В письме к отцу 1932 года по поводу автобиографических отрывков последнего в монографии Макса Осборна: «...зачем включил ты в число эскизов и портретов этого, не специально националистического собрания столько портретов евреев и евреек, ничем, как модели, не замечательных. Одни из них некрасивы, другие уродливы, и подбор их, по непонятности, имеет характер какой-то скрытой тезы. Точно ты хотел этим что-то доказать или проверить» (Там же. С. 619).

мечание о Маккавеях в процитированном письме, равно как и упоминание о древних евреях, наряду с греками, «увлеченными великой радостью познания, расцветом мысли и воображением» в борьбе с «материализмом»,⁴⁶ — важные тому свидетельства.

Быть может, коллизия несовпадения представлений о древней, библейской иудейской культуре и современной еврейской осмыслялась Пастернаком приблизительно в тех же категориях, о которых писал в своем сочинении «Рембрандт и еврейство» отец поэта, противопоставивший рембрандтовских и «киссингенских курортных евреев».⁴⁷

Мы постараемся показать, что при всей закономерности идеи о преодолении еврейства для творческого мышления Пастернака в историческом измерении «еврейский вопрос» приобретал для него несколько иные черты.

Как известно, сами Пастернаки возводили свое происхождение к древнему сефардскому роду Абарбанелей — о чем свидетельствует сын поэта, Е. Б. Пастернак,⁴⁸ комментируя оставленный Пастернаком намек на эту традицию в письме к родителям от 17 июня 1926 года: «Тут опять не Абарбанелы. Тут нет спеси»⁴⁹ (так поэт описывает своего двухлетнего сына). Л. О. Пастернак в переписке с поэтом Х. Н. Бяликом уверяет даже, что его «кузен, в Вене живший, имеет подлинную „родословную грамоту“, ведущую прямую связь с дон Исааком Абарбанеллом!..»⁵⁰

Согласно дореволюционной Еврейской энциклопедии Брокгауза и Ефрона, в роду Абарбанелей (или Абрабанелей) «сохранилось предание о происхождении его от потомков царя Давида, переселившихся в Испанию после разрушения Иерусалима римлянами».⁵¹ Осведомленность Пастернака о судьбе своих предков, убедительно доказанная в статье Л. С. Флейшмана,⁵² служит веским доводом в пользу того, что и «царственная» компонента семейной родословной была отрефлексирована поэтом.

Показательно, что в 1928 году, размышляя о критике Ходасевича (и, как можно заметить по тексту письма, Горького), видевшего в поэтическом языке Пастернака «темноту», поэт, осмыслявший эти претензии в связи со своим еврейским происхождением, вспоминает и «предка»: «Иногда <...> думаю о Синаях и *Давидах*. Правда и то, — по-разному они показали себя. И твой <письмо обращено к М. И. Цветаевой. — Г. К.> чужеземец из Гайаваты отольется мне *прегорько*. <...> Как случайно <...> я родился! Ведь ничего, кроме этой случайности, изо всего этого, на мне нет. Но и этого малого я не мог не оставить на себе и на сыне. Ведь это не человеческая оплошность, ведь то, что ее допустило, больше меня...»⁵³

С одной стороны, «ничего <...> этого на мне нет», с другой, «по-разному они показали себя». Заметим, что легендарная связь с автором Псалтири и тем самым с древнейшим поэтом христианской традиции вполне могла быть значима для Пастернака. Тем более любопытными выглядят регулярные интертекстуальные переключки с Книгой Псалмов и прямые упоминания царя Давида (см. раннее «Лесное»⁵⁴) в его лирике. Символический потенциал, сокрытый в такой родословной, помимо собственно мессианского значения, получает и чисто художественное, что, судя по всему, вполне ощущал отец поэта. Цитируем уже упомянутую его книгу, изданную в 1923 году,

⁴⁶ Из письма Пастернака Р. Роллану от 18 июля 1930 года (Там же. С. 440).

⁴⁷ Пастернак Л. О. Записки об искусстве. Переписка. С. 67.

⁴⁸ «Старый еврейский род, к которому, по фамильному преданию, восходит семья Пастернаков» (Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 712).

⁴⁹ Там же. С. 704 (из письма Пастернака родителям от 17 июня 1926 года).

⁵⁰ Письмо Л. О. Пастернака к Бялику. Р. 259.

⁵¹ Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем: В 16 т. СПб., 1908. Т. 1. А — Аллемар. С. 132–133.

⁵² См.: Флейшман Л. С. К публикации письма Л. О. Пастернака к Бялику // Slavica Hierosolymitana. 1977. Vol. 1. Р. 309–317.

⁵³ Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 237 (из письма Пастернака М. И. Цветаевой от 29 июня 1928 года).

⁵⁴ Там же. Т. 1. С. 326.

«Рембрандт и еврейство в его творчестве»: «А этот внизу там, скрюченный маг и волшебник, артист-импровизатор <...> Кто же он, этот Давид? Это — тот самый еврейский подросток, <...> который, случайно замеченный кем-то, какими-то неведомыми судьбами, при благих условиях развернется вдруг в мировую музыкальную знаменитость. Или же он <...> воспримет гневным поэтом <...> О, этот Давид, этот невзрачный еврейский юноша, с типичным страстным ртом и толстыми губами — он прославит тебя, еврейский народ!»⁵⁵

Конечно, и музыкальное, и поэтическое дарование — неотъемлемые черты библейского Давида, но нельзя не обратить внимание на то, что автор, увлекаясь движением мысли, пишет уже не столько о картине Рембрандта, сколько о будущих поколениях еврейских юношей, «при благих условиях» готовых превратиться в «мировую музыкальную знаменитость» или в «гневного поэта». Велик соблазн увидеть в этом пассаже завуалированное предсказание грядущей известности сына, не без оснований помышлявшего и о карьере великого композитора. Собственно, вариативность призывания этого юноши (поэт/музыкант) способствует такому прочтению — известно, что до «признания» со стороны Рильке (1926 год!⁵⁶) отец с сомнением относился к литературным занятиям сына и в 1918 году и в начале 1920-х пытался склонить его в сторону музыки (к примеру: «Боря прекрасный музыкант, мог бы хорошо рисовать... Почему-то пишет стихи! <...> Боря глупостями занимается!»⁵⁷). Вполне возможно, эта двойственность оправдывается в глазах Л. О. Пастернака именно через генетическую и символическую связь сына-поэта и пращура-псалмопевца (отметим, что «себя Леонид Осипович <...> отчасти к таким Давидам причислял»⁵⁸).

Впрочем, даже вне зависимости от «царского» происхождения, сама по себе связь с родом Абарбанел и еврейское происхождение как таковое — постоянно рефлексировались Пастернаком. В уже упомянутой статье Флейшман вполне убедительно показывает, что поэт, скорее всего, был знаком с биографией по крайней мере одного известного представителя этого рода — «крупнейшего еврейского философа Итальянского Возрождения и поэта»,⁵⁹ Леона Эбрео (Иегуда Абрабанель), о судьбе и творчестве которого, в частности, писал во вступительной статье к книге «Испанские и португальские поэты, жертвы инквизиции» знакомый Пастернака В. Парнах.

На наш взгляд, именно принадлежность (быть может, мифическая) к роду Абарбанелей, чья история, несмотря на гонения и частые переселения, прослеживается сквозь века и восходит к библейским предкам — в какой-то мере примиряла Пастернака со своим происхождением, противоречащим, как видно и по письму к Цветаевой, его ощущению себя русским поэтом. Кажется, что именно эта «необыкновенность» его родословной стала важной компонентой для построения автобиографического мифа Пастернака и, в частности, для соотнесения себя с Пушкиным.

Так, в эпистолярной полемике с Горьким, практически в первом же большом письме после «прекращения переписки» (произошедшего по обоюдному согласию в ноябре 1927 года⁶⁰), Пастернак, отвечая на упреки в «борьбе с языком, со словом»⁶¹ (так Горький охарактеризовал сборник «Две книги» 1927 года) пишет: «...о кривотолках же, воображаемых и предвидимых, дело которым так облегчено моим происхождень-

⁵⁵ Пастернак Л. О. Записки об искусстве. Переписка. С. 75–76.

⁵⁶ См. письмо Р. М. Рильке Л. О. Пастернаку от 14 марта 1926 года: Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 635.

⁵⁷ Кунина Е. Ф. О встречах с Борисом Пастернаком // Там же. Т. 11. С. 111.

⁵⁸ Иванова Н. Третье рождение. «Доктор Живаго» и Леонид Пастернак // Знамя. 2021. № 4. С. 210.

⁵⁹ Флейшман Л. С. К публикации письма Л. О. Пастернака к Бялику. Р. 312.

⁶⁰ «Вчера я получил Ваше письмо с предложением не писать Вам больше. С нынешней Вашей суровостью, впервые обращенной непосредственно ко мне, мне легче, чем с той косвенной, которая меня так взволновала...» (Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 127–128; из письма Б. Л. Пастернака М. Горькому от 15 ноября 1927 года).

⁶¹ Лит. наследство. 1963. Т. 70. Горький и советские писатели: неизданная переписка. С. 306 (из письма А. М. Горького Пастернаку от 28 декабря 1927 года).

ем <...> ведь и вокруг Пушкина даже ходили с вечно раскрытой грамматикой и с закрытым слухом и сердцем...»⁶² Конечно, речь здесь идет, в первую очередь, о новаторстве поэтического языка, но в то же время очевидно, что «кривотолки» о «происхождении» дополнительно мотивируют эту параллель. В связи с этим см., к примеру, письмо 1931 года, в котором Цветаева рассказывает Пастернаку, что повесила его портрет на стене: «Морда (ласкательное) у тебя на нем совершенно с колониальной выставки. Ты думал о себе — эфиопе — арапе? О связи, через кровь, с Пушкиным — Ганнибалом — Петром? О преемственности. Об ответственности. М. б. после Пушкина — до тебя — и не было никого?»⁶³

Отчасти именно этой необыкновенностью, древностью происхождения обусловлена постоянная соотнесенность Пушкина со сфинксом, пустыней, востоком и югом в знаменитой «Теме в вариациях» (1918):

Скала и шторм. Скала и плащ и шляпа.
Скала и — Пушкин. Тот, кто и сейчас,
Закрыв глаза, стоит и видит в сфинксе
Не нашу дичь: не домыслы в тупик
Поставленного грека, не загадку,
Но предка: *плоскогубого хамита*,
Как оспу, перенесшего пески,
Изрытого, как оспою, пустыней,
И больше ничего. Скала и шторм.
<...>
Скала и шторм и — скрытый ото всех
Нескромных — самый странный, самый тихий,
Играющий с *эпохи Псамметиха*
Углами скул пустыни детский смех...

<...>
Что было *наследием кафров*?
Что дал царскосельский лицей?
Два бога прощались до завтра,
Два моря менялись в лице...

<...>
Еще не бывших дней жара
Воображалась в мыслях *кафру*,
Еще не выпавший туман
Густые целовал ресницы.⁶⁴

Конечно, поводов для соотнесения себя с Пушкиным у Пастернака было достаточно — помимо поэтического призвания, это и совпавшие день рождения и день смерти (см. в письме к родителям: «Спасибо за поздравленья. 29-е я всегда помню, потому что это (29/1) день смерти Пушкина»⁶⁵), и то, что, согласно семейной легенде, поэт позировал отцу для картины «Пушкин на берегу Черного моря» (1897).⁶⁶ Тем не менее «можно предположить, что Пастернак не только в Пушкине видел фигуру, которая, подобно морю, объединяет Россию с „заморскими странами“ — Египтом, Африкой (ср. «под

⁶² Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 164 (из письма Пастернака М. Горькому от 7 января 1928 года).

⁶³ Из письма М. И. Цветаевой Пастернаку от 1 февраля 1928 года (цит. по: Чрез лихолетие эпохи...: письма 1922–1936 годов / Марина Цветаева, Борис Пастернак. М., 2017. С. 421).

⁶⁴ Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 170–172.

⁶⁵ Письмо Пастернака родителям от 12/22 февраля 1937 года (Там же. Т. 9. С. 109).

⁶⁶ См. об этом: Барнс К. Пушкин и Пастернак // Континент. 1999. № 102. С. 396–401.

небом Африки моей / Вдыхать о сумрачной России») <...> Сам Пастернак, очевидно, в своем происхождении из семьи одесских евреев, восходивших к роду Исаака Абарбанелла, чувствовал эту же принадлежность одновременно к русской и восточной средиземноморской культуре...»⁶⁷ Любопытно также, что основной портретной чертой Пушкина в цикле выступают губы, объединяющие поэта и сфинкса («плоскогубого хамита»; «На сфинксовых губах — соленый вкус / Туманностей»; «Кораллам губы обагрив»; «Заплывали губы / Голубой улыбкою пустыни») — «...именно губы Пушкина становятся „мостиком“, кровно соединяющим его с загадочным сфинксом — „плоскогубым хамитом“». ⁶⁸ Несложно заметить, что эти же крупные губы (основная портретная черта рембрандтовского Давида в интерпретации отца поэта) — характерная черта самого Пастернака, см., к примеру: «Теперь, после болезни, я так исхудал, что губы мои еще больше выпятились; ну, словом, когда я просыпаюсь утром — губы мои лежат отдельно на подушке, и я их вижу»⁶⁹ (так слова Пастернака запомнила мемуаристка).

Таким образом, нельзя сказать, что многочисленные эпистолярные высказывания Пастернака о «случайности» своего рождения и отрыве от еврейской культуры, которые были приведены выше, вполне отражают его восприятие собственного происхождения. К примеру, в письме к Горькому Пастернак, в частности, пишет: «мне, с моим местом рожденья, с обстановкою детства, с моей любовью, задатками и влечениями не следовало рождаться евреем»⁷⁰ — слова, в которых Флейшман не без оснований видит «параллель со знаменитым восклицанием Пушкина (в письме к жене от 18 мая 1836 года): „чорт догадал меня родиться в России с душою и талантом!“»⁷¹

Судя по всему, в самоощущении Пастернака, в его мировоззрении еврейству уделялась принципиально амбивалентная роль. С одной стороны, оно символизирует детерминированность жизни, ограничения реального, физического мира, которые необходимо творчески преодолеть. С другой стороны, то же самое еврейство, но воспринятое в несколько ином ракурсе: как родовая принадлежность к Библии и ее персонажам, как фактор «чужой крови» («Пушкин (как и Блок) всегда олицетворял для Пастернака решающую роль „чужой крови“ для поэзии»⁷²) — становится инструментом этого самого преодоления, нарушения границ времени и пространства и вхождения на страницы «записной тетради человечества».⁷³

Впрочем, нельзя не отметить, что «положительные» аспекты еврейства в творчестве Пастернака если и получили какое-то выражение, то лишь в лирике, тогда как для прозы, для «Доктора Живаго» главенствующее значение имеет именно концепция преодоления: «Я в нем свожу счеты с еврейством, со всеми видами национализма (и в интернационализме), со всеми оттенками антихристианства и его допущениями, будто существуют еще после падения Римской империи какие-то народы и есть возможность строить культуру на их сырой национальной сущности...»⁷⁴ Заметим, что по мере «христианизации» представлений Пастернака об искусстве и роли художника всё более существенным становится определить конечную цель преодоления. В романе, как и заявлено в процитированном письме, преодоление еврейства ведет уже не к «самогудам», не к русской культуре, а, через нее, к христианской, общечеловеческой. Понятно, что это нужно для «более рельефного и разительного выделения суще-

⁶⁷ Поливанов К. М. Канонические тексты Пушкина в лирике и романе Бориса Пастернака // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2011. [Вып.] 5. Пушкинская эпоха и русский литературный канон. К 85-летию Ларисы Ильиничны Вольперт: В 2 ч. / Отв. ред. Р. Г. Лейбов. Ч. 1. С. 274–275.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Толстая Т. Из дневниковых записей // Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 126.

⁷⁰ Там же. Т. 8. С. 164 (из письма Пастернака к М. Горькому от 7 января 1928 года).

⁷¹ Флейшман Л. Борис Пастернак и христианство. С. 734.

⁷² Там же.

⁷³ Из «Охранной грамоты» (Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 207).

⁷⁴ Там же. Т. 9. С. 472–473 (из письма Пастернака О. М. Фрейденберг от 13 октября 1946 года).

ства христианства»⁷⁵ и не отменяет задачи «весь мир заставить плакать / Над красой земли *моей*».⁷⁶ Очевидно, что и до работы над романом дилемма «еврейское/русское» осмыслялась как «иудейское/христианское» = «национальное, изолированное/наднациональное, общечеловеческое». Однако знаменательно, что к середине 1940-х годов акцент явно переносится на последнюю часть уравнения.

Как мы уже отмечали, бесконечные обвинения со стороны знакомых и критики в непонятности, переусложненности поэтического языка с самого начала воспринимались Пастернаком сквозь призму антисемитского дискурса. Тем самым постоянные, начиная с конца 1920-х годов, порывы насильственно изменить свою поэтику (впадение в «неслыханную простоту»,⁷⁷ стремление быть «всей кровию — в народе»⁷⁸ и т. п.) можно рассматривать как неудачные попытки «авторусификации», преодоления «еврейства» (и социальной чуждости), того, что на лицемерном языке советской критики 1930-х годов получит национально-нейтральное определение «формализм». Риторическое перенесение смыслового акцента на христианское «нет ни Еллина, ни Иудея» (Кол. 3:11) в 1940-х годах знаменует отказ от демонстративной ломки поэтического языка, если угодно, принятие своей национальной и социальной идентичности через отказ признавать их значимость. Отказ от внешнего («формального») преодоления национальной и социальной изоляции в пользу внутреннего, сущностного преодоления всех мыслимых ограничений, «барьеров».

Связано ли перенесение акцента с «реставрацией» имперской национальной мифологии во время войны или нет — вопрос сложный и требующий отдельного исследования. В любом случае, в романе советская эпоха последовательно соотнесена с «легендарными временами дохристианского варварства»,⁷⁹ полными «сангвинического свинства жестоких, осною изрытых Калигул, не подозревавших, как бездарен всякий порабителитель».⁸⁰ Заметим, что, как совершенно справедливо отмечают Е. Б. и Е. В. Пастернаки, изрытое остой лицо порабителителя — прозрачный намек на Сталина.⁸¹

Таким образом, вся советская эпоха, от интернационалистических лозунгов 1920-х годов до вполне националистической политики позднего сталинизма, никогда не забывавшая о самой категории «национальности», оказывается в романе «антихристианской», «годами безвременщины».⁸² Сам же роман становится для его автора жизнетворческим актом преодоления уже не столько еврейства, сколько самой идеи национальной/культурной изоляции.

Как несложно догадаться, проблеме еврейства в «Докторе Живаго» было посвящено немало прямо противоположных по духу исследований. Одна из причин тому — неоднозначное, а чаще даже враждебное восприятие романа в критике — как на идише,⁸³ так и на иврите.⁸⁴ В настоящей работе нам хотелось бы обратить внимание на обширную, а по замыслу, надо даже думать, фундаментальную статью Д. Сегала «Pro domo sua: о Борисе Пастернаке», в которой автор попытался суммировать представления Пастернака о собственном происхождении, основываясь, прежде всего, на интерпретации «Доктора Живаго».

⁷⁵ Там же. С. 541 (из письма Пастернака О. М. Фрейденберг от 29 июня / 1 октября 1948 года).

⁷⁶ Из стихотворения «Нобелевская премия» (Там же. Т. 2. С. 195).

⁷⁷ Из цикла «Волны» (Там же. С. 58).

⁷⁸ Из стихотворения «Счастлив, кто целиком...» (Там же. Т. 2. С. 98).

⁷⁹ Из «Замечаний к переводам Шекспира» (Там же. Т. 5. С. 88).

⁸⁰ Там же. Т. 4. С. 13.

⁸¹ Там же. С. 659–660.

⁸² Из стихотворения «Август» (Там же. С. 532).

⁸³ Подробнее об этом см.: *Kaicus L.* «Доктор Живаго» встречается с идишем. Рецензия романа Б. Пастернака в еврейской печати // *Stanford Slavic Studies*. Stanford, Calif., 2012. Vol. 43. Avoti. Труды по балто-русским отношениям и русской литературе. В честь 70-летия Бориса Равдина. Part 2. P. 268–281.

⁸⁴ Подробнее об этом см.: *Katsman R.* Boris Pasternak's Doctor Zhivago in the Eyes of Israeli Writers (A Minimal Foundation of Multilingual Jewish Philology) // *Around the Point. Studies in Jewish Literature and Culture in Multiple Languages* / Ed. by H. Weiss, R. Katsman and B. Kotlerman. Cambridge Scholars Publishing, 2014. P. 643–686.

Сегал начинает свой анализ с, как нам кажется, совершенно справедливого суждения о том, что, по Пастернаку, поэту «претит любая этническая принадлежность <...> он должен быть совершенно свободен в выборе того, что кажется ему достойным среди культурных ценностей, и не обязан принудительно выбирать то, с чем не чувствует родства...»⁸⁵ Несмотря на такое начало, в самой статье автор стремится доказать, что так не понравившиеся сионистским критикам (см., к примеру, отзыв Ю. Марголина⁸⁶) пассажи Гордона, Лары, Галузиной и, отчасти, Тунцевой, посвященные «еврейскому вопросу», — не соответствуют мыслям Пастернака по этому поводу.

Сегал отказывается видеть в восторженном принятии революции заглавным героем ошибку и полагает, что вместе с «крушением иллюзий Живаго относительно русской революции» обнажается «коренной недостаток той системы взглядов, с которой он подходит к этим событиям».⁸⁷ Грубо говоря, раз Живаго и Гордон увидели в революции нечто родственное творчеству и христианству, нечто, превращающее «повседневную рутину» в «духовную силу»,⁸⁸ то и сама идея о всеобщей причастности людей к «Истории», о той «краеугольной беззаботности», из которой еврей Гордон чувствует себя «горьким и тяжелым исключением»,⁸⁹ оказывается «опровергнута».⁹⁰

Кроме того, Сегал полагает, что «поэт (Живаго. — Г. К.) — инструмент слишком хрупкий, чтобы можно было доверять его оценке исторических судеб»,⁹¹ что нота отчуждения в описании Веденяпина во второй части романа, разочарование Живаго в Гордоне и «деградация»⁹² самого заглавного героя в финале — дискредитируют их общую историософию. Жизнь же Живаго в последние годы («деградация») — «настоящее призвание и счастье», так как истинная «судьба поэта — „жить одному“, точно так же, как и еврею».⁹³ Ну и, разумеется, «опровержение <...> органической эстетики и этики, заключенной в „Охранной грамоте“ <...> и в самом романе» — «может быть распространено <...> на обвинения в адрес евреев».⁹⁴ То есть, раз герои романа плохо заканчивают, значит, все их и пастернаковские (ср. упоминание «Охранной грамоты») представления об искусстве и мире ничего не стоят, никакой христианской «Истории» нет, а значит, евреи ничего не лишены.

Очевидно, что едва ли не главная исследовательская задача Сегала — составить апологию еврейству, каким оно представлено в «Докторе Живаго». Несмотря на множество тонких наблюдений над структурой романа, идеологический посыл статьи определяет ее недостатки. Так, в вышеизложенной интерпретации опущен важнейший для раскрытия еврейской темы в романе сюжет — разочарование Живаго в Гордоне обусловлено вовсе не самой попыткой последнего преодолеть свое происхождение («осуждение Гордона несомненно проливает свет на его теории касательно евреев. Они обречены оставаться сомнительными, морально двусмысленными и неокончательными»⁹⁵), а неудачностью этой попытки (во всяком случае, при жизни Живаго). Гордон, которого, в отличие от Живаго, влияние Веденяпина «сковывало»,⁹⁶ в попытках при-

⁸⁵ Сегал Д. Pro domo sua: о Борисе Пастернаке // Сегал Д. Литература как охранная грамота. М., 2006. С. 696.

⁸⁶ «Разве не ясно, что человек, дающий такой совет еврейскому народу, — рассеяться, прекратить бесполезную борьбу, — непременно и в своей собственной борьбе должен был занять позицию конформизма — к чему „добровольное мученичество“? Но, видно, легче давать советы, чем самому их держаться...» (Марголин Ю. «Быть знаменитым — некрасиво» // Новое русское слово. 1958. 7 дек. С. 2).

⁸⁷ Сегал Д. Pro domo sua: о Борисе Пастернаке. С. 736.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 15–16.

⁹⁰ Сегал Д. Pro domo sua: о Борисе Пастернаке. С. 745.

⁹¹ Там же. С. 736.

⁹² Там же. С. 733.

⁹³ Там же. С. 747–748.

⁹⁴ Там же. С. 745.

⁹⁵ Там же. С. 731.

⁹⁶ Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 67.

близиться к той самой «беззаботности»⁹⁷ окружающего, христианского мира, которую он почувствовал еще в детстве — меняется лишь внешне, но не внутренне: «Гости тоже наводили на невеселые размышления. Гордон был хорош, пока тяжело мыслил и изъяснялся уныло и нескладно. Он был лучшим другом Юрия Андреевича. В гимназии его любили.

Но вот он себе разонравился и стал вносить неудачные поправки в свой нравственный облик. Он бодрился, корчил весельчака, все время что-то рассказывал с претензией на остроумие, и часто говорил „занятно“ и „забавно“ — слова не из своего словаря, потому что Гордон никогда не понимал жизни как развлечения...»⁹⁸

Этот поворот в судьбе Гордона предопределен его постоянно подчеркиваемой в романе склонностью к умозрительным теориям и оторванностью от жизни. Еще во время визита Гордона на фронт «он, понятно, сознавал всю безнравственность праздного разглядывания чужого мужества и того, как другие нечеловеческим усилием воли побеждают страх смерти и чем при этом жертвуют и как рискуют. Но бездейственные и беспоследственные вздохи по этому поводу казались ему ничуть не более нравственными...».⁹⁹ Именно эта склонность к «преждевременному пронирству», «теоретически разнюхивать вещи, практически их еще не касавшиеся»,¹⁰⁰ и приводит Гордона к «общим фразам» («подражательность прописных истин он принимал за их общечеловечность»¹⁰¹). Она же определяет его неспособность осознать свою «ординарность», почувствовать, что «единственное живое и яркое» в нем это то, что он жил «в одно время» с Живаго и знал его¹⁰² (пассаж, справедливо соотносимый исследователями,¹⁰³ равно как и редколлегией «Нового мира» в их отказе от публикации романа, со словами из «Гефсиманского сада» — «Вас Господь сподобил / Жить в дни мои, вы ж разлеглись, как пласт...»¹⁰⁴).

Неспособность Гордона преодолеть свое еврейство, родовую изоляцию от христианского мира (даже несмотря на крещение¹⁰⁵) вполне исчерпывается в эпилоге романа. Точно так же и «апостольская» роль Гордона и Дудорова реализуется лишь после смерти Живаго — через его стихи: «...как мысли Гордона о судьбе евреев порождены идеями Веденяпина о свободной личности, о новом христианстве и новой идее искусства <...> так гордоновское постижение свободы приходит от стихов его почившего друга. Стихотворения Юрия Живаго совершают ту „работу“, о которой Гордон мечтал в детстве...».¹⁰⁶ Ощущение свободы, которое настигает Гордона и Дудорова в послевоенные годы, когда вновь разгорается политика государственного антисемитизма (если речь идет о 1948 году — дело Еврейского антифашистского комитета, если о весне 1953-го — только что отшумевшее дело врачей), — доказательство этого преодоления. Вопреки соображению Сегала о том, что стихи Живаго сохраняются лишь его друзьями-интеллигентами, один из которых «даже еврей!»¹⁰⁷ — эти стихи сохраняются в истории, а читающий их Гордон едва ли ощущает себя связанным какой бы то ни было этнической принадлежностью.

Таким образом, концепция «Доктора Живаго» вовсе не подразумевает никакой апологии «еврейству». Преодоление изоляции от христианского мира оказывается составляющей общего процесса творческого преображения действительности и вхождения

⁹⁷ Там же. С. 15.

⁹⁸ Там же. С. 174.

⁹⁹ Там же. С. 117–118.

¹⁰⁰ Там же. С. 26.

¹⁰¹ Там же. С. 479.

¹⁰² Там же. С. 478.

¹⁰³ См.: Жолковский А. К. Три переклички между «Доктором Живаго» и стихами до 1940 года // Жолковский А. К. Поэтика за чайным столом и другие разборы М., 2014. С. 145.

¹⁰⁴ Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 548.

¹⁰⁵ См. об этом: Поливанов К. М. «Доктор Живаго» как исторический роман. Тарту, 2015. С. 200.

¹⁰⁶ Там же. С. 205.

¹⁰⁷ Сегал Д. Pro domo sua: о Борисе Пастернаке. С. 749.

в историю, которое, согласно историософской концепции романа, и совершается в «Стихотворениях Юрия Живаго».

Не подлежит сомнению, что в какой-то мере судьба Живаго сконструирована Пастернаком как «идеальная» биография обобщенного поэта эпохи. То, что главный герой романа русский, — вполне закономерный итог размышлений поэта о «еврейском вопросе», до какой-то степени это и есть житнетворческая проекция наконец достигнутого автором преодоления. Гордон же, которому перепоручена еврейская тема, совершает ту же ошибку, что и когда-то автор — ищет внешнего, а не внутреннего преодоления.

Подробный анализ всех значимых для еврейского вопроса монологов героев романа, равно как и эпизодов, связанных с положением иудеев в Российской империи, проведен в соответствующей главе книги К. М. Поливанова.¹⁰⁸ Выводы, к которым приходит исследователь, вполне соответствуют обнаруженной нами на материале писем фундаментальной идее Пастернака о преодолении своего «паспортного» еврейства: «Пастернак же пишет роман, в котором, устами „лучших“ героев, говорит и о постыдности антисемитизма, и о том, что подлинный, а не официально декларируемый „интернационализм“ достигается не социальными революциями, не идеологической пропагандой и даже не отменой черты оседлости и прочих административно-правовых ограничений, существовавших в Российской империи. Достигается он желанным освобождением от самой идеи народа (национальности) — „верностью Христу“, верностью идеи „свободной личности“...».¹⁰⁹

В свою очередь, нам кажется важным подчеркнуть, что, говоря о «преодолении», мы, как и сам Пастернак, подразумеваем вовсе не освобождение от еврейской или иудейской культуры, к которым поэт и так никогда в полной мере не принадлежал. Речь идет о преодолении внутреннего самоощущения «чужака», не позволявшего Пастернаку «дать себе волю» ни в языке, ни в революции,¹¹⁰ об избавлении от каких бы то ни было препятствий физического, детерминированного мира на пути к свободе творчества.

¹⁰⁸ Поливанов К. М. «Доктор Живаго» как исторический роман. С. 193–205.

¹⁰⁹ Там же. С. 205.

¹¹⁰ См. об этом в письме Пастернака к М. Горькому от 7 января 1928 года (Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 162–165).

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-3-204-220

© Я. Д. Чечнёв, М. Ю. Ульянов

СТУДИЯ КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»: В. М. АЛЕКСЕЕВ И Н. С. ГУМИЛЕВ*

В 1970-е годы журнал «Русская литература» одним из первых поднял вопрос об изучении студий издательства «Всемирная литература», опубликовав статью А. Д. Зайдмана.¹ Исследователь на основе периодики, материалов К. И. Чуковского и мемуарных свидетельств воссоздал канву работы Студии горьковского проекта, заострив внимание на ее структуре: «Практически семинарии Студии больше были творческими, чем переводческими».² Студия — общее название для практических семинаров, свя-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10046, <https://rscf.ru/project/24-78-10046/>.

¹ Зайдман А. Д. Литературные студии «Всемирной литературы» и «Дома искусств» // Русская литература. 1973. № 1. С. 141–147.

² Там же. С. 144.

19. Mazur N. N. Eshche raz o deve-roze (v sviazi so stikhotvoreniiem Baratynskogo «Eshche kak Patriarkh ne dreven ia...») // Pushkinskie chteniia v Tartu. Pushkinskaia epokha: problemy refleksii i kommentarii. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. Tartu, 2007.
20. Mets A. G. Kommentarii // Mandel'shtam O. E. Poln. sobr. soch. i pisem: V 3 t. M., 2009. T. 1. Stikhotvoreniia.
21. Nikolaeva E. G. «Baratynskogo podoshvy» u Mandel'shtama (eshche odna popytka kommentarii) // Literaturovedenie i literaturovedy: Sb. nauch. trudov k 75-letiiu G. V. Krasnova. Kolonna, 1996.
22. Proskurin O. A. Pomety Pushkina na poliakh «Opytov v stikhakh» Batiushkova: datirovka, funktsiia, rol' v literaturnoi evoliutsii // Novoe literaturnoe obozrenie. 2003. № 6.
23. Rein E. Chelovek v peizazhe // Iosif Brodskii. Bol'shaia kniga interv'iu / Sost. V. Polukhin. M., 2000.
24. Roskina N. «Kak budto proshchaius' snova...» // Vospominaniia ob Anne Akhmatovoi. M., 1991.
25. Skvortsov A. E. «Poet» Arseniia Tarkovskogo: ot real'nogo — k ideal'nomu // Voprosy literatury. 2011. № 5.
26. Surat I. Z. Mandel'shtam i Pushkin. M., 2009.
27. Taranovskii K. F. O poezii i poetike. M., 2000.
28. Tsiv'ian T. V. Obraz Italii i obraz Rossii v poslednem stikhotvorenii Baratynskogo // Tsiv'ian T. V. Semioticheskie putesthestviia. Spb., 2001.
29. «Uzel zhizni, v kotorom my uznany...»: Maiia Kaganskaia o Nadezhde Mandel'shtam / Publ. S. Shargorodskogo; prim. S. Shargorodskogo i P. Kriksunova; predislovie P. Kriksunova // «Posmotrim, kto kogo pereupriamit...»: Nadezhda Mandel'shtam v pis'makh, vospominaniakh, svidetel'stvakh / Sost. P. M. Nerler. M., 2015.
30. Vidgof L. M. «No liubliu moi kurvu-Moskvu». Osip Mandel'shtam: poet i gorod. M., 2012.

Георгий Владимирович Куницын

ассистент, аспирант Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Москва)

Georgii Vladimirovich Kunitsyn

Assistant, PhD student, National Research University
Higher School of Economics (Moscow)

ORCID: 0000-0002-6542-0503

georg2399@yandex.ru

«ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ЕВРЕЕМ?...»:

В. Л. ПАСТЕРНАК И «ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС»

WHAT DOES IT MEAN TO BE A JEW?...:

B. L. PASTERNAK'S «JEWISH QUESTION»

Статья посвящена «еврейскому вопросу» в жизни и творчестве В. Л. Пастернака. На основе анализа эпистолярных и художественных свидетельств делается предположение о специфической амбивалентной роли еврейского происхождения в автобиографии поэта. С одной стороны, ощущение исключенности из окружающего христианского универсума встраивается в представления Пастернака об искусстве и роли художника как одно из требующих творческого преодоления препятствий физического, детерминированного мира. С другой стороны, родовая принадлежность к древней иудейской традиции, Библии и ее персонажам воспринимается поэтом как культурный потенциал.

Ключевые слова: еврейский вопрос, В. Л. Пастернак, житнетворчество, «Доктор Живаго», христианство.

The article deals with the «Jewish question» in the life and art of B. L. Pasternak. Following the analysis of epistolary and literary evidence, an assumption is made concerning the specific ambiva-

lent role of the poet's Jewish origins in his automythology. On the one hand, the feeling of being excluded from the surrounding Christian universe is embedded in Pasternak's ideas about art and the role of the artist as one of the obstacles within the physical, deterministic world that calls for a creative overcoming. On the other hand, the ancestral links to the ancient Jewish tradition, the Bible and its characters, is perceived by the poet as a cultural asset.

Key words: Jewish question, B. L. Pasternak, life creation, *Doctor Zhivago*, Christianity.

Список литературы

1. Барнс К. Пушкин и Пастернак // Континент. 1999. № 102.
2. Будницкий О. В. Евреи в Российской империи (1772–1917): 4. Евреи в эпоху поздней Империи: лояльность, адаптация, оппозиция // Западные окраины Российской империи. М., 2006.
3. Быков Д. Л. Борис Пастернак. 14-е изд. М., 2018 (сер. «Жизнь замечательных людей»).
4. Гаспаров М. Л. Поэт и культура. Три поэтики Осипа Мандельштама // Гаспаров М. Л. Избр. статьи. М., 1995.
5. Гительман Цви. Беспокойный век: Евреи России и Советского Союза с 1881 до наших дней. М., 2008.
6. Гольдин С. Еврей как понятие в истории имперской России // Понятия о России: К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. 2.
7. Жолковский А. К. Три переключки между «Доктором Живаго» и стихами до 1940 года // Жолковский А. К. Поэтика за чайным столом и другие разборы. М., 2014.
8. Иванова Н. Борис Пастернак. Времена жизни. М., 2007.
9. Иванова Н. Третье рождение. «Доктор Живаго» и Леонид Пастернак // Знамя. 2021. № 4.
10. Кацис Л. «Доктор Живаго» встречается с идишем. Рецепция романа Б. Пастернака в еврейской печати // Stanford Slavic Studies. Stanford, Calif., 2012. Vol. 43. Avoti. Труды по балто-русским отношениям и русской литературе. В честь 70-летия Бориса Равдина. Part 2. Р. 268–281.
11. Куницын Г. В. Категория границы как ключ к поэтике Пастернака // Пастернак: проблемы биографии и творчества. К 60-летию Нобелевской премии. М., 2020.
12. Куницын Г. В. «Крестная няня» Б. Пастернака // Новое литературное обозрение. 2023. № 2.
13. Лекманов О. А. Исаак Бабель «Мой первый гусь»: опыт медленного чтения // Лекманов О. А. Самое главное: О русской литературе XX века. М., 2017.
14. «Лингвистическая» дуэль: Борис Пастернак — Юлиан Анисимов // Кобринский А. А. Дуэльные истории Серебряного века: поединки поэтов как факт литературной жизни. СПб., 2007.
15. Лит. наследство. 1963. Т. 70. Горький и советские писатели: неизданная переписка.
16. Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2010. Т. 2. Проза.
17. Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2008.
18. Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2003–2005.
19. Пастернак Е. Б. Борис Пастернак: Материалы для биографии. М., 1989.
20. Пастернак Л. О. Записки об искусстве. Переписка. М., 2013.
21. Письма Бориса Пастернака из Марбурга / Вступ. статья, прим. и публ. Е. В. Пастернак, К. М. Поливанова // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1989. М., 1990. С. 63.
22. Письмо Л. О. Пастернака к Бялику / Публ. Ж. Л. Пастернак и Л. Л. Пастернак-Слэйтер; комм. Л. Флейшмана // Slavica Hierosolymitana. Jerusalem, 1977. Vol. 1.
23. Поливанов К. М. «Доктор Живаго» как исторический роман. Тарту, 2015.
24. Поливанов К. М. Канонические тексты Пушкина в лирике и романе Бориса Пастернака // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2011. [Вып.] 5. Пушкинская эпоха и русский литературный канон. К 85-летию Ларисы Ильиничны Вольперт: В 2 ч. / Отв. ред. Р. Г. Лейбов. Ч. 1.
25. Сегал Д. Pro domo sua: о Борисе Пастернаке // Сегал Д. Литература как охранная грамота. М., 2006.
26. Сергеева-Клятис А. Ю. Пастернак. М., 2015 (сер. «Жизнь замечательных людей. Малая сер.»).
27. Слэзкин Ю. Эра Меркурия: Евреи в современном мире / Авторизованный пер. с англ. С. Б. Ильина. М., 2005.
28. Флейшман Л. Борис Пастернак и христианство // Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку. Избр. работы по поэтике и истории русской литературы. М., 2006.
29. Флейшман Л. С. К публикации письма Л. О. Пастернака к Бялику // Slavica Hierosolymitana. 1977. Vol. 1.
30. Чрез лихолетие эпохи...: письма 1922–1936 годов / Марина Цветаева, Борис Пастернак. М., 2017.

31. *Katsman R.* Boris Pasternak's Doctor Zhivago in the Eyes of Israeli Writers (A Minimal Foundation of Multilingual Jewish Philology) // *Around the Point. Studies in Jewish Literature and Culture in Multiple Languages* / Ed. by H. Weiss, R. Katsman and B. Kotlerman. Cambridge Scholars Publishing, 2014.

References

1. *Barns K.* Pushkin i Pasternak // *Kontinent*. 1999. № 102.
2. *Budnitskii O. V.* Evrei v Rossiiskoi imperii (1772–1917): 4. Evrei v epokhu pozdnei Imperii: loial'nost', adaptatsiia, oppozitsiia // *Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii*. M., 2006.
3. *Bykov D. L.* Boris Pasternak. 14-e izd. M., 2018 (ser. «Zhizn' zamechatel'nykh liudei»).
4. *Chrez likholetie epokhi...: pis'ma 1922–1936 godov* / Marina Tsvetaeva, Boris Pasternak. M., 2017.
5. *Fleishman L.* Boris Pasternak i khristianstvo // *Fleishman L. Ot Pushkina k Pasternaku*. Izbr. raboty po poetike i istorii russkoi literatury. M., 2006.
6. *Fleishman L. S.* K publikatsii pis'ma L. O. Pasternaka k Bialiku // *Slavica Hierosolymitana*. 1977. Vol. 1.
7. *Gasparov M. L.* Poet i kul'tura. Tri poetiki Osipa Mandel'shtama // *Gasparov M. L. Izbr. stat'i*. M., 1995.
8. *Gitel'man Tsvi.* Bespokoinyi vek: Evrei Rossii i Sovetskogo Soiuzs s 1881 do nashikh dnei. M., 2008.
9. *Gol'din S.* Evrei kak poniatie v istorii imperskoi Rossii // *Poniatia o Rossii: K istoricheskoi semantike imperskogo perioda*. M., 2012. T. 2.
10. *Ivanova N.* Boris Pasternak. Vremena zhizni. M., 2007.
11. *Ivanova N.* Tret'e rozhdenie. «Doktor Zhivago» i Leonid Pasternak // *Znamia*. 2021. № 4.
12. *Katsis L.* «Doktor Zhivago» vstrechaetsia s idishem. Retseptsia romana B. Pasternaka v evreiskoi pechati // *Stanford Slavic Studies*. Stanford, Calif., 2012. Vol. 43. Avoti. Trudy po balto-rossiiskim otnosheniam i russkoi literature. V chest' 70-letia Borisa Ravdina. Part 2. P. 268–281.
13. *Katsman R.* Boris Pasternak's Doctor Zhivago in the Eyes of Israeli Writers (A Minimal Foundation of Multilingual Jewish Philology) // *Around the Point. Studies in Jewish Literature and Culture in Multiple Languages* / Ed. by H. Weiss, R. Katsman and B. Kotlerman. Cambridge Scholars Publishing, 2014.
14. *Kunitsyn G. V.* «Krestnaia niania» B. Pasternaka // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2023. № 2.
15. *Kunitsyn G. V.* Kategorii granitsy kak kluch k poetike Pasternaka // *Pasternak: problemy biografii i tvorchestva*. K 60-letiiu Nobelevskoi premii. M., 2020.
16. *Lekmanov O. A.* Isaak Babel' «Moi pervyi gus'»: opyt medlennogo chteniia // *Lekmanov O. A. Samoe glavnoe: O russkoi literature XX veka*. M., 2017.
17. «Lingvisticheskai» duel': Boris Pasternak — Iulian Anisimov // *Kobrinskii A. A. Duel'nye istorii Serebrianogo veka: poedinki poetov kak fakt literaturnoi zhizni*. SPb., 2007.
18. *Lit. nasledstvo*. 1963. T. 70. Gor'kii i sovetskie pisatel': neizdannai perepiska.
19. *Mandel'shtam O. E.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 3 t. M., 2010. T. 2. Proza.
20. *Miller A.* Imperiia Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniia. M., 2008.
21. *Pasternak B. L.* Poln. sobr. soch.: V 11 t. M., 2003–2005.
22. *Pasternak E. B.* Boris Pasternak: Materialy dlia biografii. M., 1989.
23. *Pasternak L. O.* Zapiski ob iskusstve. Perepiska. M., 2013.
24. Pis'ma Borisa Pasternaka iz Marburga / Vstup. stat'ia, prim. i publ. E. V. Pasternak, K. M. Polivanova // *Pamiatnik kul'tury. Novye otkrytiia: Ezhegodnik*. 1989. M., 1990. S. 63.
25. Pis'mo L. O. Pasternaka k Bialiku / Publ. Zh. L. Pasternak i L. L. Pasternak-Sleiter; komm. L. Fleishmana // *Slavica Hierosolymitana*. Jerusalem, 1977. Vol. 1.
26. *Polivanov K. M.* «Doktor Zhivago» kak istoricheskii roman. Tartu, 2015.
27. *Polivanov K. M.* Kanonicheskie teksty Pushkina v lirike i romane Borisa Pasternaka // *Pushkinskie chteniia v Tartu*. Tartu, 2011. [Vyp.] 5. Pushkinskaia epokha i russkii literaturnyi kanon. K 85-letiiu Larisy Il'inichny Vol'pert: V 2 ch. / Otv. red. R. G. Leibov. Ch. 1.
28. *Segal D.* Pro doma sua: o Borise Pasternake // *Segal D. Literatura kak okhrannaia gramota*. M., 2006.
29. *Sergeeva-Kliatis A. Iu.* Pasternak. M., 2015 (ser. «Zhizn' zamechatel'nykh liudei. Malaia ser.»).
30. *Slëzkin Iu.* Era Merkuriia: Evrei v sovremennom mire / Avtorizovannyi per. s angl. S. B. Il'ina. M., 2005.
31. *Zholkovskii A. K.* Tri pereklichki mezhdz «Doktorom Zhivago» i stikhami do 1940 goda // *Zholkovskii A. K. Poetika za chainym stolom i drugie razbory*. M., 2014.